

УДК 39 (479)

DOI 10.31143/2542-212X-2019-2-127-151

ЭТНОГРАФИЯ КЛАДБИЩ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА¹**М.А. ТЕКУЕВА**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com*

Е.А. НАЛЬЧИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru*

М.Х. ГУГОВА

*Институт гуманитарных исследований
Филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: gugowa@mail.ru*

Аннотация. В статье осуществлена систематизация надгробных памятников XX века у осетин, балкарцев и кабардинцев. Исследование мест памяти и памятных знаков произведено на основе полевых этнографических материалов авторов. Основная цель статьи состоит в выявлении общего и особенного в оформлении могил у некоторых народов Центрального Кавказа. Выборка памятников производится в пограничных или ближних к ним населенных пунктах: балкарских селениях Чегемского и Черекского ущелий, Лескенского района КБР, Ирафского, Дигорского и Алагирского районов РСО-Алания. Для изучения выбираются надгробные сооружения, возведенные в советский период (1917-1991). Консервативный характер погребальной обрядности и оформления захоронений подтвердили несомненное этнокультурное родство народов региона.

Ключевые слова: оформление места погребения; арочная стела; гендерная атрибутика; кенотаф; могильное ограждение; этнические взаимовлияния.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-01-00147-ОГН «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа».

ETHNOGRAPHY OF THE CEMETERIES OF THE CENTRAL CAUCAUS**M.A. TEKUEVA**

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com

E.A. NALCHIKOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru

M.Kh. GUGOVA

Institute of Humanitarian Researches
filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: gugowa@mail.ru

Abstract. The research is intended to systematize Ossetian, Balkarian, and Kabardian tombstones of the XX century. Exploration of the places of commemoration and commemorative marks was held through the prism of ethnographic field data. The research's objective is to uncover the similarities and differences in grave styling the Central Caucasus. The selection of monuments was made in the frontier settlements of Chegem and Cherek Gorges and Lesken area of Kabardin-Balkarskaja Republic, Irafsky, Digorsky, and Alagirsky areas of North-Ossetia-Alania. The paper is focused on Soviet period monuments (1917-1991). The conservatism in the funeral rites and tomb shaping has affirmed the undoubted ethnocultural kinship of peoples in the region.

Keywords: tomb-shaping execution; arc stele; gender attributes; cenotaph; grave fencing; ethnic interinfluences.

Смерть как предмет культурно-антропологического исследования остается на периферии научного интереса в нашей стране. Это не означает полного отсутствия работ в этой области, но они носят, в основном, философский или социологический характер. Так Л. Иониным введен термин для обозначения танатологического направления в социологии – «некросоциология» [Ионин 1997]. При этом в зарубежной науке существует мультидисциплинарный формат исследований смерти и околосмертного пространства – «deathstudies». В недавно изданной книге С. Мохова, посвященной истории похоронной индустрии [Мохов 2018] автор отмечает принципиальную разницу подходов к проблеме смерти в западной и российской науке. Если западные ученые больше концентрируются на процессе смерти и умирания, то российские исследователи ассоциируют смерть в первую очередь с ее материальным оформлением – кладбищем.

В советской историографии те или иные аспекты материальных знаков в похоронных ритуалах северокавказских народов изучались в разные годы. Так, Л.И. Лавровым основательно исследованы северокавказские эпитафические надписи [Эпитафические памятники... 1966,1968], Б.Х. Мальбаховыми А.Я. Кузнецовой – орнаментальное оформление и архитектура надмогильных памятников кабардинцев и балкаро-карачаевцев [Мальбахов 1984; Кузнецова 1982], Б.А. Калоевым и А.Х. Магометовым – отражение религиозных представлений в погребальном обряде осетин [Калоев 1967; Магометов 1968], а С.Ш. Гаджиевой – у кумыков [Гаджиева, Аджиева 1980], в целом по горному Дагестану – Г.А. Гаджиевым [Гаджиев 1991].

Похороны, кладбище, памятники и ритуалы традиционно выступали в качестве объекта этнографического изучения элементов духовной культуры Кавказа, но источником для этнографов становились результаты археологических изысканий. Обследование мест захоронений, надгробных сооружений, погребального инвентаря и др. подробно описаны известными советскими археологами.

Общие вопросы ритуальных практик у народов Северного Кавказа, отражения в них культурных взаимовлияний содержатся в коллективных монографиях по этнической культуре тюркских народов региона, по проблемам исторической антропологии Северного Кавказа [Этнокультурный мир... 2017; Историческая антропология... 2017] и новейшем учебнике по истории и культуре юга России [История... 2019]. Среди современных работ по изучению материального воплощения культовых практик, этнических обычаев и механизмов сохранения памяти о предках можно указать на книги А.Б. Кокоевой и Г.С. Сосунова [Кокоева 2017; Сосунов 2007], публикации М.К. Мусаевой, В.А. Фоменко и авторов настоящей статьи [Мусаева 2017; Фоменко 2018a, Фоменко 2018b; Текуева и др. 2017; Текуева, Нальчикова 2018].

В 2018-2019 годах научный коллектив из преподавателей и студентов Кабардино-Балкарского университета совершил полевые выезды в несколько ущелий Центрального Кавказа. Экспедицией ставилась задача выявления и сбора полевого материала по традиционной погребальной культуре. Выборка памятников производилась в относительно близких друг к другу населенных пунктах: осетинских селах Лескен, Средний Урух, Толдзгун, Чикола Ирафского района, Дзивгис Алагирского района (Куртатинское ущелье) и Карман-Синдзикау Дигорского района РСО-Алания, кабардинских селах Старый Лескен (Анзорей), Урух (Коголкино) и Старый Урух (Хатуей) Лескенского района и балкарских селениях Эльтюбю, Нижний Чегем КБР. В состав исследовательской группы входили руководитель М.А. Текуева (зав. кафедрой этнологии и истории народов КБР КБГУ), Е.А. Нальчикова (доцент, КБГУ), М.Х. Гугова (старший научный сотрудник КБИГИ), З.Х. Кумахова (аспирант КБГУ), Т.В. Битокова (магистрант КБГУ) и студенты 3 курса направления «Антропология и этнология» (КБГУ). К исследованию привлечены также фотоматериалы 2007-2010 гг., содержащие информацию о памятниках из Баксанского ущелья (Гестенды, Актопрак), Черекского ущелья (Коспарты),

Карачая (Кара-Джурт), предоставленные кандидатом исторических наук М.И. Баразбиевым.

Географические рамки исследования обусловлены тем, что все населенные пункты территориально соседствуют, но отличаются по языковым, религиозным и этническим признакам. Так, балкарцы говорят на языке половецко-кыпчакской группы тюркских языков. Кабардинцы – носители одного из адыго-абхазских языков кавказской языковой семьи. Осетины говорят на языке, относящемся к северо-восточной подгруппе иранской группы индоиранской ветви индоевропейских языков. Со стороны эти языковые отличия воспринимаются как главный маркер этнокультурной принадлежности. Это впечатление усиливается конфессиональными различиями. Так, балкарцы и кабардинцы считают себя мусульманами, а осетины – христианами. Однако, есть моздокские кабардинцы (христиане) и осетины-дигорцы (мусульмане). Несмотря на этническое, конфессиональное и лингвистическое разнообразие, материальные элементы погребального обряда с первого взгляда демонстрируют их культурную общность.

Исследование топоса смерти у адыгов [Текуева, Нальчикова 2018] привело нас к постановке вопроса об общих корнях и этногенетических связях с ближайшими соседями. Предметом изучения в настоящей статье стало исключительно внешнее оформление могил у кабардинцев, балкарцев и осетин, без описания остальных обрядов захоронения. Хронологическая выборка обусловлена доступным этнографическим материалом. Из-за естественного разрушения большинство материальных надгробных памятников старше 100-150 лет не пригодны для анализа. В настоящей статье предпринята попытка этнографического обобщения части памятников народов Центрального Кавказа, которое позволяет ставить вопросы об общих культурных основаниях кавказских автохтонов. При этом мы анализируем преимущественно надгробия, относящиеся к советскому периоду, когда предпринимались активные попытки секуляризации похоронной обрядности и стирания этнического своеобразия под лозунгом «борьбы с пережитками прошлого». Однако их анализ предполагает обращение и к более ранним (позднесредневековым и относящимся к XIX веку) монументальным сооружениям.

В исследовании о кладбищах и надмогильных памятниках адыгов мы обратили внимание на особенность урухского и лескенского кладбищ, которые отличались по оформлению некоторых могил. На этих кладбищах выделялись сооружения без крыши, имитировавшие стены склепа или мавзолея. Внутри находилось несколько родственных погребений. Стены выложены из крупного речного булыжника, углы и декоративные детали – из красного кирпича. На фронте иногда указывается дата строительства. Все они датированы началом XX века. Вход в «пантеон» находится в боковой или тыльной стене. Углы выделены архитектурными украшениями, похожими на башенки, которые могут повторяться в навершиях фронтонов. Последние содержат также арочные проемы. Внутри ограды находятся могилы, по всей видимости, членов одной семьи, обозначенные стелами традиционной формы.

Фото № 1¹. Вид ограждения изнутри на кладбище с. Урух КБР. Апрель, 2018 г.

Фото № 2. Фрагмент фронтона ограждения с указанием даты сооружения в с. Урух. Апрель, 2018 г.

---

¹ Здесь и далее фото авторов.

На фото №№1-2 представлены могильные ограждения, относящиеся к 1910-1920-м годам. Развалины более ранних конструкций обнаружены на кладбище с. Старый Урух (Хатуей).

Фото № 3-4. «Пантеон» Анзоровых на кладбище с. Анзорей КБР. Апрель, 2018 г.

Это «пантеон» владельцев поселения – Анзоровых. После революции 1917 г. и Гражданской войны Анзоровы, как дворянский род, прекратил свое существование, поэтому можно с определенностью утверждать, что последние могилы здесь появились не позже 1918-1919 гг. Участок под «пантеон» возвышается над остальным кладбищем и занимает площадь примерно 270 кв.м. Внутри большой ограды находится еще одна ограда размером 5x7 метров. Стены выполнены из речного булыжника, срединная часть стены выложена «елочкой». Количество могил определить не представляется возможным, сохранилось всего несколько покосившихся надгробий. Семейное захоронение Анзоровых обозначено современной памятной доской.

Подобные сооружения обнаружены только в селах, пограничных с Осетией: Старый Лескен (Анзорей), Старый Урух (Хатуей), Урух (Коголкино). На каждом из сельских кладбищ насчитывается от двух до пяти таких «мавзолеев».

Подобные погребальные традиции не характерны для кладбищ центральной и западной частей Кабарды. Усматривая в этом этногенетические взаимовлияния, мы поднялись вверх по реке Урух до осетинского с. Средний

Урух. На окраине села находится кладбище, последние захоронения на нем датированы 2008 годом. Старая его часть, судя по словам жителей, относится к середине XIX в. Она сильно заросла деревьями, надгробные стелы глубоко вросли в землю или повалены. На многих старых могилах угадывается овальная каменная выкладка.

Фото № 5. Овальная выкладка могилы булыжником на старой части кладбища с. Средний Урух Ирафского района РСО-Алания. Март, 2019 г.

Именно в старой части кладбища мы нашли сооружения, аналогичные тем, что описаны выше. Однако здесь их значительно больше, и они разнообразнее по архитектуре. При этом сохранены их главные характеристики: функционально – это ограда (без крыши), но визуально напоминает склеп; основной строительный материал – крупный речной камень – плоской формы, с использованием кирпича для отделки декоративных деталей; некоторые украшены арочными конструкциями; углы оформлены навершиями.

Фото № 6.

Фото № 7.

Фото №8.

Фото № 6, 7, 8. Фрагменты ограждений фамильных захоронений в старой части кладбища с. Средний Урух. Март, 2019 г.

Точное количество подобных погребальных сооружений мы не установили, но то, что большинство захоронений в Среднем Урухе в XIX – начале XX в. оформлялось аналогичным образом, не вызывает сомнений. В

относительно сохранном виде их насчитывается семь, помимо них найдено множество полуразрушенных «склеповых» оград, от некоторых остался только нижний ряд каменной выкладки. Могильное ограждение могло включать от одного до нескольких родственных захоронений. Иногда внутри ставились стелы, но часто стелы нет, а надписи читаются на фронтоне ограды.

В селении Толдзгун хорошо сохранилась «склеповая» ограда семейного захоронения, датируемого 1919-1930 годами. Все могилы отмечены возвышающимися памятными стелами, встроенными в замкнутый архитектурный ансамбль ограждения. Они выступают над стеной и содержат эпитафическую надпись, обращенную не к могиле, а вовне. Такая ориентация объясняется тем, что «мавзолей» не имеет входа.

Фото № 9. Ограждение семейного захоронения на кладбище с. Толдзгун Ирафского района РСО-Алания. Март, 2019 г.

Видимо, этим объясняется современная традиция в селениях Средний Урух и Толдзгун ориентировать эпитафические надписи от изголовья могилы, помещая их на тыльной поверхности памятника.

Средний Урух и Толдзгун – села с христианским населением. Для получения сравнительного этнографического материала мы продолжили осмотр осетинских мусульманских кладбищ выше по течению реки Урух в с.

Чикола (бывшее с. Магометановское). Углубление в старую часть кладбища дает тот же этнографический материал – «склеповые» ограждения из булыжника и красного кирпича. Приблизительно к середине XX века ограды становятся ниже, принимают более легкую, решетчатую форму и освобождаются от избыточных декоративных деталей, отказываются от камня в пользу кирпича, стены становятся ниже. Постепенно они заменяются кованными легкими ограждениями.

Фото №10. Ограда захоронения. С. Чикола Ирафского района РСО-Алания. Март, 2019 г.

Современные мусульманские могилы ограды не имеют.

Наиболее распространенная на этом кладбище форма надгробных памятников – *цырт* – арочная стела, характерная для всех народов Центрального Кавказа.

Фото № 11. Надгробия традиционной формы середины XX века. С. Чикола. Март, 2019 г.

Она ставится в изголовье могилы, ребром к ней. Надпись (как и лицо покойника) ориентирована на юг, в сторону Каабы. Этнический орнамент дополняется исламской символикой: в верхней части – в виде полумесяца, у основания – изображения четок, сосуда для ритуального омовения и коврика для молитвы. В отличие от довоенных кабардинских надгробий, многие из

которых изготовлены из дерева, в Осетии предпочтение отдавалось более прочным материалам (камень, цемент).

Бросающаяся в глаза деталь в оформлении некоторых могил – овальная выкладка низкого могильного холмика речным камнем. Подобные сюжеты встречались на более ранних среднеурухских захоронениях. Напрашиваются аналогии и с западнокавказскими надгробными конструкциями в Шапсугии и у адыгов Израиля [Текуева, Нальчикова 2018: 86].

В оформлении некоторых осетинских памятников *цырт* можно отметить еще одну особенность – кирпичное обрамление стелы. Оно почти вдвое шире бокового ребра самого надгробия. Навершие такой «защиты» может быть по форме зубчатым или заостренным в виде крыши.

Фото № 12. Стела в кирпичном обрамлении. С. Чикола. Март, 2019 г.

На кладбищах, которые мы видели ранее, подобные памятники единичны, но традиция в их оформлении легко ассоциируется с описанными выше стелами, встроенными в «склеповую» ограду. Они выглядят цитатой из более древнего погребального ансамбля, минимизированного до одиночного надгробия, с фрагментом ограды.

Значительно чаще таким дополнительным обрамлением оформлялись монументы в селении Карман-Синдзикау. Однако внутреннее наполнение многих памятников в этом и соседних селениях модернизировано. Новый вектор развития осетинской надгробной архитектуры связан с именем скульптора-примитивиста Сосланбека Едзиева (1865 – 1953). Его работы – это рельефные изображения покойных, обычно в полный рост и в национальной одежде. Памятники эти кажутся однотипными, но отличаются индивидуальной атрибутикой, характеризующей личность или область деятельности своего персонажа: кинжал, коса, лошадь и т.д.

Фото № 13. Памятник работы С. Едзиева. 1-ая половина XX в. С. Карман-Синдзикау РСО-Алания. Март, 2019 г.

Мода на скульптурные памятники распространилась в середине прошлого века и на другие осетинские села, где имелись свои народные мастера. Так, на кладбищах селений Средний Урух, Толдзгун, Лескен I стоят бюсты, часть из которых выполнена Карашаем (Карасеем) Фидаровым.

Очень популярен архитектурный мотив кирпичной окантовки в оформлении кенотафов – памятных знаков без захоронения. О них следует сказать отдельно. Как было отмечено в предыдущей статье [Текуева, Нальчикова 2018], ставить кенотафы на кладбище – общая традиция народов Центрального Кавказа. Обычно они располагаются большой группой справа от входа на кладбище и посвящаются памяти односельчан, погибших в годы репрессий и Великой Отечественной войны. Но встречаются более ранние одиночные кенотафы, стоящие на возвышенности около села, на перекрестках или вдоль дорог.

В отличие от них осетинские кенотафы часто расположены на семейных участках, прислонены к надгробиям близких (братьев, сестер, родителей, супругов), поэтому над могилой получается парное надгробие – реальное захоронение рядом с памятником трагически погибшему члену семьи. С середины прошлого века кенотаф может замещаться фотографией, дополняющей памятник умершего родственника. Вариант с придорожными кенотафами хорошо иллюстрируется памятным некрополем на перекрестке за селением Лескен I (осетинский).

Фото № 14. Группа кенотафов у с. Лескен I РСО-Алания. Март, 2019 г.

Менее крупные композиции вынесены также за пределы того же Лескена и Хазнидона.

Фото № 15. Группа кенотафов у с. Хазнидон. Март, 2019 г.

Обычно кенотафы стоят «родственными» группами, объединенными кирпичной выкладкой. Все они посвящаются памяти безвременно погибших

родственников. Орнаментальным знаком на них могут быть: на памятниках воинам – винтовка, зенитное орудие, лошадь; погибшим в аварии – автомобиль, грузовик и т.п.

В оформлении всех осетинских памятников первой половины – середины XX века присутствует растительный орнамент, часто – солярные знаки: равносторонний крест, пяти или шестиконечная звезда, круг. Чем старше памятник – тем чаще встречается гендерная символика: женский нагрудник, мужские газыри, оружие и т.п. Отдельного замечания заслуживает осетинская эпиграфика, отличная от традиций соседних кабардинцев и балкарцев. Надпись может занимать почти все поле фронтальной поверхности памятника, не ограничиваясь лаконичными данными – именем и годами жизни покойного. Это распространенное предложение с указанием обстоятельств смерти и «подписью» того, кем поставлен памятник. Вот, например, серия эпитафий на лескенских кенотафах. «Караеву Махамат-Ефанди Бадаевич. Род. 1836 г. Ум. 1920г. Память дорогому отцу – от малачиго сына Увжико»¹. «Караев Саламан Магометович. Род. 1884 г. погиб трогически в Америке в 1920 г. Память дорогому брату от Увжико». «Караеву Элбиздуко Магометовичу. 1895-1930 гг. Погиб за власть советов. Память дорогому брату...». «Караеву Батарбеку Магометовичу. Род. 1897 г. Ум. 1920 г. память дорогому и любимому брату...». В результате читается биография целой семьи, наполненная событиями, чувствами и переживаниями двух поколений ее мужчин, дающая представление о внутрисемейных отношениях, традиционной риторике скорби и семейной репрезентации в сельском социуме. Таким образом создается своеобразный эмоциональный посыл потомкам, отражающий повседневный фон своего времени.

«Избыточная» информативность осетинских эпитафий созвучна с более выраженной, чем у соседей, тенденцией к индивидуализации памятника: оформлению его скульптурным или фотографическим изображением.

Поиски истоков капитальных могильных ограждений «склеповой» формы привели нас в балкарские горные аулы. Мы начали с верховьев Чегема, где находятся широко известные средневековые склепы шатровидной формы и в форме домиков с двускатной крышей. В отличие от осетинских аналогов, вокруг балкарских кешене обнаруживаются следы каменных ограждений. Причем в пределах оград находятся могилы, выложенные крупным камнем и напоминающие овальное обрамление осетинских могил. Внутри кешене можно разглядеть остатки таких же овальных «рамок» вокруг грунтовых захоронений. Но те, что находятся в склепе, выглядят выбеленными и тщательно отштукатуренными, как и сами сооружения. То есть кешене объединяет несколько разновременных могил внутри его и снаружи, отгороженных от остального кладбища широкой стеной.

---

¹ Орфография всех эпитафий сохранена.

Фото № 16. Кешене с оградой. С. Верхний Чегем, КБР. Апрель, 2019 г.

Важно отметить, что кроме надмогильных склепов на Верхнечегемском некрополе обнаружены множественные развалины капитальных ограждений без крыши с декоративными элементами шарообразной формы по углам.

Фото № 17. Ограждение с угловыми украшениями. С. Коспарты КБР. 2008 г.

Подобные стены встречаются на всех довоенных кладбищах Чегемского ущелья. Они строятся вокруг фамильных отводов, как например у Геграевых.

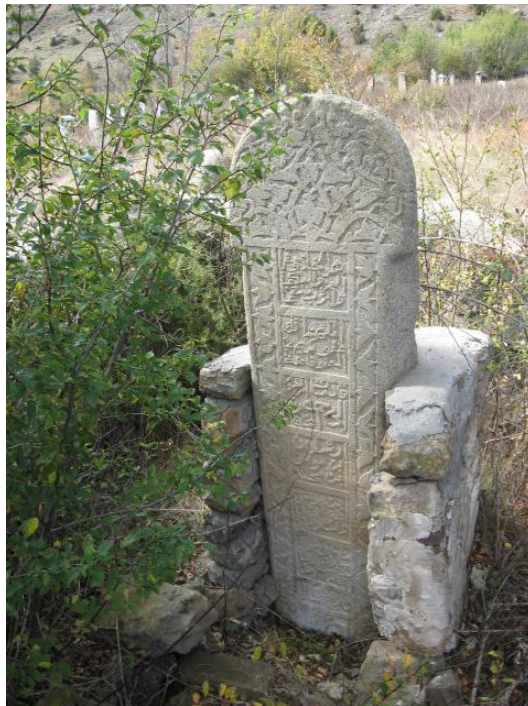
Фото № 18. Фрагмент ограды фамильного кладбища Геграевых. С. Верхний Чегем. Апрель, 2019 г.

В этих архитектурных сюжетах мы видим прямые аналогии с осетинскими и кабардинскими «мавзолеями» рубежа XIX–XX вв. Могилы выложены по овальному периметру крупным булыжником. В изголовье стоит необработанный менгир или традиционная стела. Более поздние балкарские надгробия содержат хорошо сохранившиеся архитектурные и орнаментальные формы. Аналогичные сооружения М.И. Баразбиев наблюдал в Черекском ущелье. Примечательно, что один из описанных им памятников имеет характерную деталь, отмеченную нами в Осетии: надгробная стела находится не внутри, а вписывается в стену ограждения как яркий декоративный акцент.

Фото № 19. Стела, встроенная в ограду фамильного захоронения. С. Коспарты КБР. 2008 г.

Другую аналогию с осетинскими памятниками (см. Фото № 12) мы обнаружили в фотоматериалах из Карачая, где надмогильная стела заключена в каменное обрамление.

Фото № 20. Надгробие в каменном обрамлении. С. Кара-Джурт КЧР. 2008 г.

Итак, сравнительно-этнографическое исследование надмогильных памятников балкарцев, осетин и кабардинцев, начатое в предыдущей статье [Текуева, Нальчикова 2018], подвело нас к необходимости определения истоков необычных для Кабарды архитектурных сооружений и поискам этногенетических связей народов Кавказа. Это задало и географический вектор исследования в сторону верховьев рек Урух и Чегем – от кабардинцев к осетинам и балкарцам.

Наглядным отличием огороженных балкарских кладбищенских участков от осетинских (и кабардинских) «склеповых» оград являются (1) их большие размеры. Это объясняется тем, что участок используется под захоронения всей родовой общиной, и временная амплитуда между более ранними и самыми поздними захоронениями может исчисляться десятками лет. Осетины же обычно хоронили в одном «мавзолее» супружескую пару, или родных братьев, или иногда подхоранивали к родителям детей. (2) Строительный материал для балкарских оград нигде не включает кирпича. Стены значительно шире осетинских и не содержат украшений или декорированы более сдержанно. Часто встречаются отштукатуренные участки стен. Но и те, и другие отсылают к распространенным в средние века склепам, описанным в этнографических источниках об Осетии, Ингушетии, Кабарде и Балкарии.

Надгробные знаки на христианских могилах могут быть отмечены крестом, однако обследование осетинских кладбищ показывает, что главные элементы оформления монумента диктуются все-таки не религиозными, а этническими традициями. Отличительной особенностью подавляющего большинства памятников центрально-кавказского региона является общая форма надгробий: это стела с закругленным (арочным) верхом или антропоморфного вида. Она может быть орнаментирована этническим узором, арабской вязью, эпитафией на русском языке, гендерными знаками и изображением набора предметов, обсуживающих молитвенный ритуал. Рисунок на камне может выделяться цветом, в раскраске одного памятника возможно использование до трех цветов краски. Такие стелы встречаются до конца 1970-ых годов с тенденцией к сокращению их количества. Очень часто, особенно в Осетии и Балкарии, могила выделяется каменной овальной обкладкой по периметру. Эта традиция явно перекликается с западно-адыгской манерой оформления могилы, которая встречается на Черноморском побережье Кавказа и местах компактного проживания адыгской диаспоры в Израиле.

Первые заметные новации относятся к военному и послевоенному времени (1940-1950 гг.): материальные знаки на могилах трансформируются в сторону уменьшения «орнаментальных излишеств» и формализации исламской символики. Традиционная архитектура надгробий советских и партийных работников сменяется на форму обелиска с пятиконечной звездой. Памятники советского времени теряют этническую орнаментику: она блекнет и редет. Но сельские могилы все еще оформляются схематичными изображениями приборов для омовения и молитвы.

Последние два десятилетия процесс унификации приобретает социально-дифференцированный характер. Памятники становятся шире и выше в

зависимости от материального достатка семьи, часто прямоугольной формы, мрамор и гранит вытесняют традиционные материалы. Популярным оформлением надгробия всю вторую половину XX в. была фотография покойного. С конца 1990-х годов, времени ослабления коммунистической монополии на идеологию, на памятниках акцентируется мусульманская символика, например, аяты из Корана, изображение мечети, полумесяца. Правда, в понимании местного населения сформировались устойчивые предпочтения в изображении мечети (индийский Тадж-Махал, а, например, не аль-Харам в Мекке и Мечеть Пророка в Медине).

Фото № 21. Современные мусульманские надгробия. С. Нижний Чегем, КБР.

Изучение кладбищ в Осетии и Кабардино-Балкарии позволяет сделать выводы, с одной стороны, о единой основе погребальной культуры различных народов Центральнокавказского региона, с другой – о наличии локальных особенностей во внешнем оформлении надгробия у осетин, балкарцев и кабардинцев. При этом следует отметить, что эти различия не более существенны, нежели те, что наблюдаются у, например, западных, восточных и зарубежных адыгов и строго не обусловлены религиозными предписаниями, сохраняя этническую погребальную традицию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Гаджиев 1991 – *Гаджиев Г.А.* Доисламские верования и обряды народов Горного Дагестана. – М.: Наука, 1991. – 179с.

Гаджиева, Аджиева 1980 – *Гаджиева С.Ш., Аджиева А.М.* Похоронный обряд и причитания кумыков // Семейный быт народов Дагестана в XIX-XX вв. – Махачкала: ИИЯЛ, 1980. – С. 47-66.

Ионин 1997 – *Ионин Л.И.* Диффузные формы социальности (к антропологии культуры) // Социологические чтения / Отв. ред. Е.Н. Данилова. Вып. 2: Сборник материалов ежегодного методологического семинара (20-22 дек. 1996 г.). – М.: Институт экспериментальной социологии, 1997. – С. 50-89.

Историческая антропология... 2017 – *Историческая антропология* народов Северного Кавказа: актуальные проблемы / Под ред. Х.Б. Мамсирова. – Нальчик: Каб.-Балк. гос. ун-т, 2017. – 228 с.

История... 2019 – *История* и культура народов Северного Кавказа. XX – начало XXI века / Под ред. А.В. Венкова. – Ростов-на-Дону: ЮФУ; Нальчик: КБГУ, 2019. – 300 с.

Калоев 1967 – *Калоев Б.А.* Осетины. Историко-этнографические исследования. – М.: Наука, 1967. – 247 с.

Кокоева 2017 – *Кокоева А.Б.* Этнокультурный феномен погребального обряда у осетин. – Цхинвал: Республика, 2017. – 193с.

Кузнецова 1982 – *Кузнецова А.Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 176 с.

Магомедов 1968 – *Магомедов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. – Орджоникидзе: Ир, 1968. – 571 с.

Мальбахов 1984 – *Мальбахов Б.Х.* Кабардинское народное декоративное искусство. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 107 с.

Мохов 2018 – *Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. – М.: Commonplace, 2018. – 360 с.

Мусаева 2017 – *Мусаева М.К.* Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях // Вестник института антропологии и этнологии (ИАЭ). – 2017. – №4. – С. 115-124.

Сосунов 2007 – *Сосунов Г.С.* Еврейские памятники Восточного Кавказа. – Махачкала: Эпоха, 2007. – 216с.

Текуева и др. 2017 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х.* Погребение и его место в адыгской традиционной культуре // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. – 2017. – № 6. – С. 9-13.

Текуева, Нальчикова 2018 – *Текуева М.А., Нальчикова Е.А.* Надмогильные памятные знаки у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа // Кавказология. – 2018. – № 3. – С.69-92. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92>

Фоменко 2018а – *Фоменко В.А.* Тамбиевы в районе Пятигорья (из истории одной этноконфессиональной группы адыгов) // Кавказология. – 2018. – № 3. – С. 29-44. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-29-44>

Фоменко 2018б – *Фоменко В.А.* Об актуальных проблемах изучения и сохранения археологического наследия в Кабардино-Балкарии // Кавказология. – 2018. – № 4. – С. 145-160. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-145-160>

Эпиграфические памятники... 1966, 1968 – *Эпиграфические памятники* Северного Кавказа X-XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии и приложения Л.И. Лаврова. – М.: Наука, 1966. – Ч.1. – 290 с.; 1968. – Ч. 2. – 248 с.

Этнокультурный мир... 2017 – *Этнокультурный мир* тюрок Северного Кавказа / Под ред. М.А. Текуевой. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2017. – 210 с.

REFERENCES

- Ehpiigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza X-XVII vv.* [Epigraphic monuments of the North Caucasus 10-17 centuries]. Edited by L.I. Lavrov. – Moscow: Nauka, 1966. – Part 1. – 290 p.; 1968. – Part 2. – 248 p. (In Russian)
- Ehtnokul'turnyi mir tyurkov Severnogo Kavkaza* [Ethnocultural world of the North Caucasian Turks]. Edited by M.A. Tekueva. – Nalchik: KBGU, – 2017. – 210p. (In Russian)
- FOMENKO V.A. *Ob aktual'nykh problemakh izucheniya i sokhraneniya arkheologicheskogo naslediya v Kabardino-Balkarii* [About actual problems of studying and preserving the archaeological heritage in Kabardino-Balkaria]. IN: *Kavkazologiya*. – 2018. – No 4. – P. 145-160. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-4-145-160> (In Russian)
- FOMENKO V.A. *Tambievy v raione Pyatigor'ya (iz istorii odnoi ehtnokonfessional'noi gruppy adygov)* [The Tambiyev Family in the Pyatigorsk area (from the history of one ethno-confessional group of the Circassians)]. IN: *Kavkazologiya*. – 2018. – No 3. – P. 29-44. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-29-44> (In Russian)
- GADZHIEV G.A. *Doislamskie verovaniya i obryady narodov Gornogo Dagestana* [Pre-Islamic beliefs and rites of the peoples of Gorny Dagestan]. – Moscow: Nauka, 1991. – 179 p. (In Russian)
- GADZHIEVA S.Sh., ADZHIEVA A.M. *Pokhoronnyi obryad i prichitaniya kumykov* [Funeral rite and lamentations of Kumyks]. IN: *Semeinyi byt narodov Dagestana v XIX-XX vv.* [Family routine of the peoples of Dagestan in the 19-20 centuries of the peoples of Dagestan in the 19-20 centuries]. – Makhachkala: IYaL, 1980. – P. 47-66. (In Russian)
- IONIN L.I. *Diffuznye formy sotsial'nosti (k antropologii kul'tury)* [Diffuse forms of sociality (to the anthropology of culture)]. IN: *Sotsiologicheskie chteniya*. Edited by E.N. Danilova. Iss. 2: *Sbornik materialov ezhegodnogo metodologicheskogo seminara (20-22 dek. 1996 g.)* [Sociological readings. Edited by E.N. Danilova. Iss. 2: Collection of materials of the annual methodological seminar (December 20-22. 1996)]. – Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, 1997. – P.50-89. (In Russian)
- Istoricheskaya antropologiya narodov Severnogo Kavkaza: aktual'nye problemy* [Historical anthropology of the peoples of the North Caucasus: actual problems]. Edited by Kh.B. Mamsirov. – Nalchik: KBGU, 2017. – 228p. (In Russian)
- Istoriyai kul'tura narodov Severnogo Kavkaza. XX – nachalo XXI veka* [History and culture of the peoples of the North Caucasus. 20th – the beginning of the 21st century]. Edited by A.V. Venkov. – Rostov-on-Don: YUFU; Nalchik: KBGU, 2019. – 300p. (In Russian)
- KALOEVA B.A. *Osetiny. Istoriko-ehnograficheskie issledovaniya* [Ossetians. Historical and ethnographic studies]. – Moscow: Nauka, 1967. – 247 p. (In Russian)
- KOKOEVA A.B. *Ehtnokul'turnyi fenomen pogrebal'nogo obryada u osetin* [Ethnocultural phenomenon of the burial rite of the Ossetians]. – Tskhinval: Respublika, 2017. – 193 p. (In Russian)
- KUZNETSOVA A.Ya. *Narodnoe iskusstvo karachaevtsev i balkartsev* [Folk art of Karachai and Balkarians]. – Nalchik: Ehl'brus, 1982. – 176 p. (In Russian)
- MAGOMETOV A.X. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda* [Culture and life of the Ossetian people]. – Ordzhonikidze: IR, 1968. – 571p. (In Russian)
- MAL'BAKHOV B.Kh. *Kabardinskoe narodnoe dekorativnoe iskusstvo* [Kabardian folk decorative art]. – Nalchik: Ehl'brus, 1984. – 107 p. (In Russian)
- MOHOV S. *Rozhdenie i smert' pohoronnoj industrii: ot srednevekovykh pogostov do cifrovogo bessmertiya* [The birth and death of the funeral industry: from medieval graveyards to digital immortality]. – Moscow: Common place, 2018. – 360 p. (In Russian)
- MUSAEVA M.K. *Pokhoronno-pominal'naya obryadnost' narodov Dagestana v sovremennykh gorodskikh usloviyakh* [Funeral and memorial rites of the peoples of Dagestan in modern urban conditions]. IN: *Vestnik institute antropologii i etnologii (IAE)*. – 2017. – No 4. – P. 115-124. (In Russian)

SOSUNOV G.S. *Evreiskie pamyatniki Vostochnogo Kavkaza* [Jewish monuments of the Eastern Caucasus]. – Makhachkala: Ehpokha, 2007. – 216 p. (In Russian)

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A, GUGOVA M.Kh. *Pogrebeniei ego mesto v adygskoi traditsionnoi kul'ture* [Burial and its place in the Adyghe traditional culture]. IN: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problem teorii I praktiki*. seriya: gumanitarnye nauki. – 2017. – No 6. – P. 9-13. (In Russian)

TEKUEVA M.A., NAL'CHIKOVA E.A. *Nadmogil'nye pamyatnye znaki u narodov Severo-Zapadnogo I Central'nogo Kavkaza* [Gravestones of the peoples of the North-Western and Central Caucasus]. IN: *Kavkazologiya*. – 2018. – No 3. – P. 69-92. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-69-92> (In Russian)